

Глава 1. Переселение

— Бегите! Быстрее! Проклятые чинуши снова выслали погоню!

...

Окутанный хаосом, Цзюнь Цюлань даже не расслышал, что кричал тот человек. Подчиняясь лишь инстинкту, он бежал вместе с толпой, словно это движение стало для него условным рефлексом. Ноги, налитые свинцом, едва держали его, и он неминуемо рухнул бы на землю, если бы стоявший рядом мужчина не подхватил его под руку.

Юноша хотел было поблагодарить спасителя, но внезапно осознал, что не знает этого человека.

«Что это за место?»

Не успел он найти ответ, как раздался пронзительный выкрик на чужом языке:

— Снято!

Этот звук, казалось, перевернул весь мир. Цзюнь Цюлань с полным недоумением взирал на разворачивающуюся перед ним странную картину.

Крестьяне, еще мгновение назад спасавшиеся от погони, разом остановились. Кто-то, тяжело дыша, опустился прямо на землю, другие принялись непринужденно болтать. Ужас и страх на их лицах бесследно исчезли, сменившись непонятной ему расслабленностью.

Присмотревшись, он заметил, что эти оборванцы выглядят куда крепче него самого. Грязь на их лицах казалась нарисованной, а от тел не исходило кислого запаха, неизбежного после долгого изнурительного бегства.

Сознание Цзюнь Цюланя постепенно прояснялось. Разве его не сослали на границу и не поселили в хлеву? Как он оказался здесь? И где его родители и сестра?

Он огляделся по сторонам, и сердце его пронзил леденящий ужас. Всё вокруг было чужим и пугающим.

Неподалеку несколько мужчин и женщин в диковинных одеждах столпились у странных черных ящиков, что-то оживленно обсуждая. Ближе к нему земля была вымощена идеально ровными каменными плитами, каждая из которых казалась произведением искусства. Даже брусчатка на главной столичной улице не могла сравниться с ними в чистоте и ровности.

И почему, несмотря на глубокую ночь, вокруг было светло как днем?

Сердце бывшего наследного принца болезненно сжалось.

«Неужели я умер в том хлеву и это — загробный мир?»

— Еще дубль! — к ним подошел небритый короткостриженный мужчина. Он указал на нескольких человек. — Вы, когда побежите, сбейте вон те корзины у дороги. И лица сделайте испуганнее.

Среди тех, на кого он указал, оказался и Цзюнь Цюлань.

Мужчина, который недавно помог ему, подошел снова:

— Чего застыл? Давай живее. Снимем эту сцену — и пойдем за коробочным обедом.

Из обрывков фраз юноша заключил, что они, по-видимому, играют некую роль.

«Это подмости? Но где же зрители? И как я перенесся сюда из хлева?»

Не разобравшись в ситуации, он решил пока не привлекать к себе внимания и действовать по обстановке.

Цзюнь Цюлань молча последовал за собеседником в угол. Когда небритый короткостриженный мужчина выкрикнул что-то на варварском языке, отмеченные им люди сорвались с места. Он побежал вместе с ними.

Спотыкаясь и падая, они преодолели десяток метров, изображая отчаянное бегство. Как только небритый мужчина снова выкрикнул: «Ка!», все остановились.

— Ладно, на сегодня всё! Актеры массовки, идите за коробочными обедами. Берите, сколько съедите. С гонораром сегодня проблема — на счетах неполадки, так что все получите наличными.

Добросердечный незнакомец помог Цзюнь Цюланю подняться.

— Парень, что-то я тебя раньше не видел. Местный? Впервые снимаешься, да? Вижу, нервничаешь. Меня Чжан Ли зовут, я раньше на киностудии «Хэнчэн» работал, только пару дней как сюда перебрался.

Цзюнь Цюлань с улыбкой кивнул.

— Зовите меня Сяо Лань. Я пока не совсем во всем разобрался. Старший брат Чжан, не могли бы вы немного просветить меня?

Он уклонился от прямого ответа, искусно обойдя вопрос. Годы, проведенные в статусе наследного принца, полученное образование и жизненный опыт позволяли ему держаться на плаву даже в такой немыслимой ситуации. По крайней мере, он не чувствовал враждебности от окружающих, а значит, пока был в безопасности.

Сердце разрывалось от тревоги за близких, но сейчас важнее всего было понять, что происходит.

— Пойдем, пойдем, сначала обед получим. Ночные съемки всегда аппетит нагоняют, — Старший брат Чжан дружелюбно потянул Цзюнь Цюланя к очереди, попутно отвечая на его вопросы.

Юноша больше слушал, чем говорил, и постепенно картина начала проясняться.

Они находились на недавно открывшейся киностудии «Фэнчэн». Хотя он и не до конца понял, что такое «киностудия», но уловил главное: это место, где разыгрывают представления. Поскольку студия была новой, съемочных групп, или, как понял Цзюнь Цюлань, «театральных трупп», здесь было немного. Поэтому и приезжих актеров, подобных Чжан Ли, тоже было мало. Для массовки в дальних сценах, где не требовалось особого мастерства, нанимали местных жителей, падких на зрелища.

Мысли в голове Цзюнь Цюланя неслись вскачь. Происходящее переворачивало все его представления о мире. Теперь он был уверен: он не умер, а попал в другой мир.

— Сестрица, мне два, пожалуйста, — улыбаясь, обратился Старший брат Чжан к женщине, раздававшей обеды. — Сегодня поздно закончили, проголодался страшно.

Чжан Ли был опытным завсегдатаем съемочных площадок и знал, что обеды всегда готовят с запасом. Раздатчица тоже была в хорошем настроении.

— Если съешь, бери. Все равно остатки выбрасывать.

— Двух хватит, — поблагодарил Старший брат Чжан, взял коробки и присел в стороне, чтобы с аппетитом приняться за еду.

В тот миг, когда Цзюнь Цюлань, давно не евший досыта, вдохнул аромат пищи, все его чувства, казалось, пробудились. Ступни, покрытые волдырями и гноящимися ранами, пронзила острая боль. Тело ломило от усталости, а пустой желудок издал несколько предательских звуков.

— Ого, проголодался, — усмехнулась раздатчица. — Молодые всегда голодные, это нормально.

Она протянула Цзюнь Цюланю две коробки. Тот взял их, но не двинулся с места. Из разговора он понял, что обеды бесплатные, а нерозданные просто выбросят. Преодолевая голод и смущение, он, заливаясь краской, прошептал:

— Можно мне еще две, сестрица?

Женщина на мгновение замерла, оглянулась на очередь — людей почти не осталось. Парень перед ней был худ и грязен, лица за копотью не разглядеть.

— Бери. Только не выбрасывай.

Цзюнь Цюлань искренне улыбнулся:

— Благодарю вас.

— Давай-давай, ешь скорее, — улыбнулась в ответ женщина. — А потом не забудь получить деньги.

«Еще и деньги?»

Юноша, не подавая виду, присел рядом с Чжан Ли и жадно набросился на еду. Он ожидал, что бесплатная пища будет безвкусной, но в коробке оказалось и мясо, и овощи, щедро сдобренные маслом и солью. Он не мог остановиться и меньше чем за чашку чая съел все дочиста. Если бы не забота о приличиях, он бы вылизал коробку.

Голод. Страшный, мучительный голод.

Во время трехтысячеверстного пути в ссылку им выдавали лишь по два черствых, жестких хлеба в день, которые застревали в горле. Мягкая горячая лепешка казалась тогда верхом блаженства. За девятнадцать лет своей жизни, будучи знатной особой, он никогда не испытывал подобных мучений.

Борьба за трон... Победитель получает все. Цзюнь Цюлань смирился с поражением и не цеплялся за власть. Вот только его родители и младшая сестра были вынуждены разделить с ним его участь.

Он молча смотрел на три оставшиеся коробки. Он не знал, где находится и как вернуться назад.

— Поел? — Старший брат Чжан как раз закончил с одной порцией, вторую так и не открыл. Увидев три коробки рядом с Цзюнь Цюланем, он поддразнил: — А ты сообразительный, решил ужин с собой прихватить? В твоём возрасте парням нужно много есть.

Цзюнь Цюлань смущенно улыбнулся, ничего не ответив. Он не знал, где находится, денег у него не было ни гроша. Если бы не крайний голод, он бы и эту одну порцию разделил на три приема.

— Пошли за деньгами. Целый день на ногах, устал как собака, — пробормотал Чжан Ли.

Юноша понимал, что он здесь чужой, что он даже не знает, как сюда попал. Имеет ли он право на эти деньги? Но, увидев, что все остальные, покончив с едой, спокойно идут за платой, а человек, выдающий гонорар за съёмки, делает это молча, не задавая вопросов, он решился.

Издали банкноты показались ему похожими на ассигнации.

«Брат или не брат?»

Говорят, благородный муж поступает лишь достойно. Но есть и другая поговорка: кто от денег отказывается, тот дурак. После низложения и ссылки Цзюнь Цюлань отбросил былые представления о благородстве.

Выжить — вот что сейчас было главным.

Крепко прижимая к себе три коробочных обеда, Цзюнь Цюлань подошел к короткостриженному мужчине и получил две купюры: одну красную, другую синюю.

— Эх, за целый день мучений всего сто пятьдесят юаней, — вздохнул Чжан Ли. — А этим главным актерам за одну серию платят сотни тысяч. Когда мы-то пробьемся...

С этими словами он сжал деньги в кулаке:

— Пойдем переодеваться. У тебя на завтра есть планы? Если нет, пошли со мной в другую съемочную группу. Там тоже сто пятьдесят в день платят.

Хотя сегодня они играли беженцев и были с ног до головы в грязи, Старший брат Чжан успел заметить, что у этого парня незаурядная внешность, даже по сравнению с главным актером их съемочной группы. Если он решит остаться в этой профессии и приложит немного усилий, у него есть все шансы выбиться в люди. Ему же, Чжан Ли, с его заурядной внешностью, пробиться было куда сложнее. Почему бы не завести знакомство с потенциальной звездой? Кто знает, может, однажды это и пригодится.

При свете ламп Цзюнь Цюлань разглядел на купюрах знакомые иероглифы: сто юаней и пятьдесят юаней. Он пока не знал их покупательной способности, но, судя по словам Старшего брата Чжана, это была небольшая сумма.

Что до переодевания, то он видел, как другие актеры массовки выходили из костюмерной в странных коротких рубахах и штанах или юбках. Он посмотрел на свою одежду: хоть и рваная, она хотя бы прикрывала тело. Другой у него все равно не было.

— Старший брат Чжан, иди ты переодеваться, а я отлучусь в нужник.

Чжан Ли махнул рукой:

— Давай быстрее. Потом обменяемся контактами.

«Контактами?»

Цзюнь Цюлань поспешил скрыться. Этот мир был слишком странным. Он едва успел составить представление о так называемой киностудии, но все остальное оставалось для него загадкой.

Больше всего его беспокоили родители и младшая сестра. Он оказался в новом мире, а как же они? Его отец, хоть и был всего лишь членом императорского рода, привык к роскоши. Мать, хоть и из купеческой семьи, была дочерью знаменитого императорского купца. А младшая сестра выросла как избалованная княжна.

В пути отец повредил ногу, мать заболела, а на сестру то и дело заглядывались всякие проходимцы. Если он исчезнет, что с ними будет?

Прижимая к себе коробки с едой и сжимая в руке сто пятьдесят юаней, Цзюнь Цюлань, терзаемый тревогой, зашагал во тьму.

— Эй, парень, ты одежду не сдал! — крикнул ему вдогонку один из рабочих.

Юноша ускорил шаг. Он не знал, куда идти, но оставаться здесь было нельзя.

Петляя по узким переулкам, он наконец выбрался из той зоны. Но, подняв глаза, застыл на месте.

Если съемочная площадка с ее актерами и декорациями лишь намекнула ему, что он больше не в своем мире, то открывшееся сейчас зрелище дало это прочувствовать в полной мере. Там, по крайней мере, были красные стены, зеленая черепица и каменные плиты. Улица же перед ним была совершенно иной.

По ней неслись повозки на четырех колесах, которым не нужны были ни волы, ни лошади. Здания возвышались над землей выше, чем дворцовая башня для наблюдения за звездами. Пешеходы были одеты в самые причудливые наряды: некоторые напоминали одежду его мира, другие — те самые рубахи с короткими рукавами.

По обеим сторонам улицы теснились лавки и торговые ряды.

Цзюнь Цюлань стоял на перекрестке в своих лохмотьях, сжимая в руках коробки с едой. Он казался совершенно чужим в этом мире, но, как ни странно, никто не обращал на него внимания.

Этот мир был настолько чужд и непонятен, что он не решался сделать ни шагу. Но куда ему было идти?

— Юный друг, ищешь ли ты путь назад? Или же хочешь узнать, откуда пришёл? — раздался у самого уха незнакомый голос.

<http://bllate.org/book/15876/1436543>